

Суперструктура дискурса последнего слова подсудимого: когнитивная перспектива и иллокутивный код

Л. В. Воронина

Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя
ул. 1-я Красная, 18, 390043, Рязань, Россия. E-mail: lv-voronina@mail.ru

В фокусе внимания дискурс последнего слова подсудимого, его когнитивно-риторическая организация, структурная и жанровая специфика. Методом сплошной выборки из видеоматериалов судебных заседаний, с привлечением методов лингвистического наблюдения, дискурс-анализа и формализации результатов научного исследования были выделены и проанализированы медиафрагменты суперструктуры дискурса последнего слова подсудимого на предмет его организации, моделирования иллокутивного профиля, выявления когнитивных механизмов, обеспечивающих успешность исходной коммуникативной интенции субъекта речи. В ходе исследования было установлено, что последнее слово подсудимого представляет собой иерархически организованную систему категорий, формирующихся на основе и вокруг оппозиции «признание вины vs отрицание вины vs частичное признание вины», неодинаковая регулярность и факультативность которых позволила выделить два неоднородных по составу подвида дискурса последнего слова подсудимого – «Признание вины» и «Отрицание вины». Было выявлено, что иллокутивный профиль объекта настоящего научного исследования формируется на основе исходной коммуникативной интенции субъекта речи (самозащиты) в двух ее версиях – оправдание и смягчение наказания – через воздействие в двух направлениях – убеждение и создание впечатления о личности подсудимого посредством включения ряда когнитивных механизмов (конкретизации, амплификации, спиндокторинга, каузации и других). Риторические графы дискурса последнего слова подсудимого убедительно свидетельствуют о неодинаковой коммуникативной значимости дискурсивных отношений между единицами в составе исследуемой суперструктуры, а также позволяют выявить и обосновать частотность интенциональных риторических отношений в сравнении с предметными, характер производных коммуникативных интенций субъекта речи и их иерархию в общей структуре глобального дискурса.

Ключевые слова: дискурс, последнее слово подсудимого, суперструктура, когнитивные механизмы, иллокутивный код.

The Superstructure of the Defendant's Final Statement Discourse: Cognitive Perspective and Illocutionary Code

Л. В. Воронина

The Ryazan Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
18 Pervaya Krasnaya St., 390043, Ryazan, Russia. E-mail: lv-voronina@mail.ru

The article deals with the discourse of the defendant's last word, its cognitive-rhetorical organization, structural and genre specificity. Using a continuous sample of video content, linguistic observation, discourse analysis, and formalization of research findings, we identified and analyzed the media fragment of the superstructure by defendant's final statement discourse in terms of its organization, modeling of the illocutionary profile, and identification of the cognitive mechanisms that ensure the success of the speechact participant's initial communicative intention. The study established that the defendant's final statement represents a hierarchically organized system of categories formed on the basis of and around the opposition «admission of guilt vs. denial of guilt vs. partial admission of guilt». Their varying regularity and optionality allowed us to identify two heterogeneous subtypes of the defendant's final statement discourse –«Admission of Guilt» and «Denial of Guilt». It was revealed that the illocutionary profile of the object of this scientific study is formed based on the initial communicative intention of the speaker (self-defense) in its two versions—justification and mitigation of punishment—through bidirectional influence—persuasion and the creation of an impression of the defendant's personality through the activation of a number of cognitive mechanisms (specification, amplification, spin-doctoring, causation, and others). The discursive rhetorical graphs of the defendant's final statement convincingly demonstrate the unequal communicative significance of the discursive relations between discourse entities within the superstructure under study, and also allow us to identify and substantiate the frequency of intentional rhetorical relations compared to substantive ones, the nature of the speaker's derived communicative intentions, and their hierarchy within the overall structure of global discourse.

Key words: discourse, defendant's final statement, superstructure, cognitive mechanisms, illocutionary code.

Не вызывает сомнений факт: иллокутивный профиль высказывания моделируется на основе его исходной интенции – стимула к коммуникации – как комплекс, состоящий из ряда интенций (коммуникативных намерений) субъекта речи (коммуникатора) относительно адресата информации. В свою очередь характер исходной интенции инициирует предполагаемый результат речевого взаимодействия и определяется ситуацией коммуникации, обуславливающей тип речевого взаимодействия и специфику его реализации в коммуникативном пространстве.

Юридический дискурс как предмет настоящего научного размышления строго регламентирован институциональными отношениями его участников и общими условиями их общения, функционально структурирован и жанрово разнообразен.

В фокусе внимания данной научной работы коммуникативная ситуация, которая разворачивается вокруг дискурса последнего слова подсудимого – «логического продолжения прений сторон» [Захарова 2023: 59]. Цель научного исследования – выявить когнитивно-риторическую специфику суперструктуры дискурса последнего слова подсудимого в его видовом разнообразии и лингвистическом исполнении.

Изучение открытых источников показало: как самостоятельный этап судебного разбирательства последнее слово подсудимого (ПСП) оказалось практически вне поля зрения языковедов, а в юридической парадигме научного знания оно рассматривается как один из этапов судебного разбирательства [Белкин 2019; Хайдаров 2011]. В очень немногочисленных научных работах по юриспруденции отмечается его значимость, «целевая нагрузка и конкретные задачи» [Захарова 2023: 58], а также функционал [Мирзоева 2025: 233], справедливо указывается, что последнее слово подсудимого может выступать как «действенный правовой инструмент института защиты в российском праве» [Чулкова 2023: 268], несмотря на то, что в текущий момент «на уровне нормативного правового регулирования и в правоприменительной практике ему не уделяется достаточного внимания» [Захарова 2023: 59].

В лингвистической литературе последнее слово как один из жанров юридического дискурса, обладающий несомненным аффективным ореолом, привлекает исследователей в ракурсе эмотивной лингвоэкологии [Шаховский, Колосова 2016], а также судебной риторики [Голованова, Фетисова: URL] и коммуникации [Мальцева 2011], оставляя за рамками научного поиска выявление характера иллокутивного кода и его когнитивные проекции в языке и речи.

В нашем понимании последнее слово подсудимого представляет собой особенный дискурсивный сегмент, который в силу специфической интенциональности и текстовой архитектуры может быть квалифицирован как суперструктура – «всеобщая абстрактная глобальная "форма" связного текста, состоящая из иерархически организованного набора категорий, специфических для определенного жанра» [ван Дейк 2000: 195].

В дискурсе ПСП верхнюю иерархию таких категорий образует оппозиция «признание вины vs отрицание вины vs частичное признание вины»:

Конечно, выстрелил! Раскаиваюсь [Последнее слово подсудимых Реальный Каменск-Уральский]: URL] vs Уважаемый суд! Ваша честь! Уважаемая сторона обвинения! Позвольте мне не согласиться с тем, в чем меня обвиняют! [Последнее слово подсудимого Бакова А.В.: URL] vs Я убийство признаю, а по 112 не признаю [Последнее слово подсудимых Реальный Каменск-Уральский]: URL].

Континуум реализуется в двух направлениях, обусловливая выделение двух соответствующих подвидов суперструктуры ПСП – «Признание вины» и «Отрицание вины», которые моделируются из последующих категорий:

- прошение о снисхождении / смягчении приговора: *Прошу меня строго не наказывать* [Последнее слово подсудимых по делу убийства подростка у ТРК «Космос»: URL];

- извинения: *Еще раз хочу попросить прощение у потерпевшего, что не смог предотвратить смерть его сына* [Последнее слово подсудимого: URL];

- раскаяние: *Ваша честь, как я уже говорил, я очень сожалею, что такое произошло* [Полный судебный процесс: URL];

- просьба об объективности и справедливости: *Прошу суд максимально объективно разобраться в нашем деле и оправдать меня, потому что я не виноват* [Стрелок Раимджанов: последнее слово подсудимого: URL];

- обещание исправиться: *Я прошу, пожалуйста, освободите меня. Буду я работать, буду деньги выплачивать, больше этого никогда не повторится* [Последнее слово подсудимой: URL];

- приведение доводов: *А следователь, имея такие полномочия, не воспользовался ими, не назначал и не проводил самые необходимые экспертизы, хотя бы даже по изучению следов рук на том свертке. Как можно судить о моей виновности, не выполнив самое необходимое следственное действие?* [Последнее слово подсудимого Быкова А.В.: URL]

Указанные категории не имеют строгой закрепленности, однако в композиции каждого из подвидов ПСП очевиден ряд тенденций: в суперструктуре ПСП «Признание вины», как правило, прошение о снисхождении следует после обращения к суду, извинение и раскаяние находятся в finale речи и могут дублироваться на всем ее протяжении, просьба об объективности и справедливости факультативна, но в суперструктуре ПСП «Отрицание вины» логична, как и категория «Доводы к суду» (рис. 1).

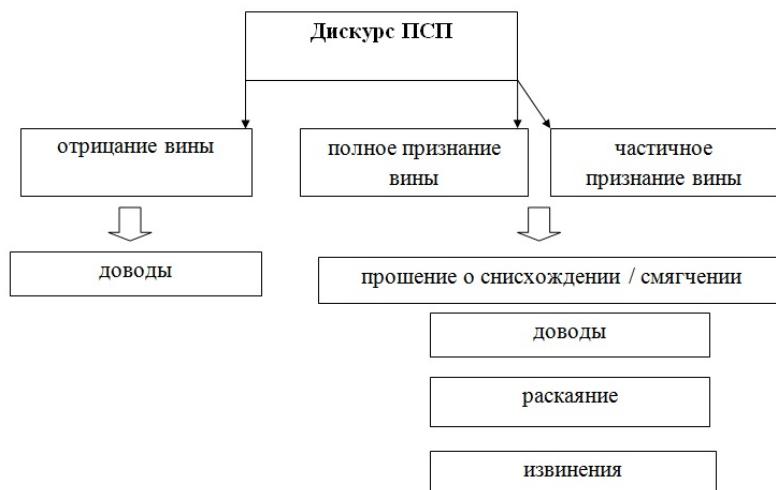

Рис. 1. Суперструктура дискурса ПСП

Иллокутивный код дискурса ПСП выстраивается на основе его функционала, выделяемого учеными-правоведами: «склонить чашу весов правосудия на свою сторону, а также выразить свое отношение к инкриминируемому ему деянию» [Мирзоева 2025: 233]; быть «веским правовым контраргументом позиции стороны обвинения» [Чулкова 2023: 268]; наконец, «сконцентрировать внимание суда на доводах, приводимых подсудимым в свою защиту, с тем чтобы суд удалился на совещание под непосредственным впечатлением сказанного» [Энциклопедия юриста 2005: URL]. Информацию о степени влияния на суд и присяжных ПСП мы также обнаружили и в ходе обзора соответствующих сайтов отечественных юридических бюро¹.

Представляется закономерным: на поверхности исходная коммуникативная интенция последнего слова подсудимого, самозащита в двух ее версиях – оправдание или смягчение обвинения, – реализуемая через **воздействие** на адресата (судью, присяжных), которое, как справедливо отмечает Г. А. Захарова, является дифференцированным и с юридической точки зрения охватывает довольно широкий спектр: «в отношении видения происшедшего, виновности или невиновности, в том числе и квалификации действия, в отношении меры наказания, которая будет соответствовать, в том числе, и личности подсудимого, его отношению к совершенному деянию, раскаянию» [Захарова 2023: 59].

С точки зрения языка вышесказанное означает, что иллокутивный код дискурса ПСП представляет собой комплекс из коммуникативных намерений адресанта и моделируется посредством непрямых аффективных речевых действий в направлении убеждения и создания впечатления и в своей базе может быть представлен следующим образом (рис. 2):

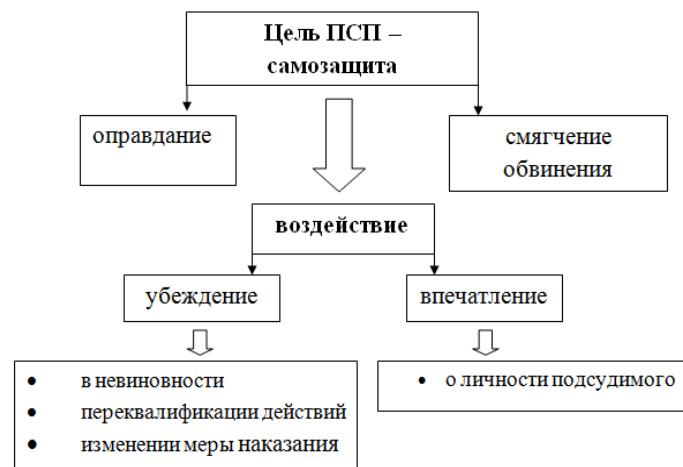

Рис. 2. Иллокутивный код суперструктуры дискурса ПСП

Под убеждением мы вслед за Н. Н. Болдыревым понимаем «речевую стратегию коммуниканта, заключающуюся в попытке трансформирования наличного «составления мира» реципиента, попытке склонить слушающего совершить или не совершить какой-либо авербальный или вербальный акт» [Болдырев 2020: 147], в рамках настоящего исследования – вынесение оправдательного вердикта или смягчение приговора.

В дискурсе ПСП иллокуции, связанные с убеждением суда в невиновности, реализуются в рациональных доводах и апелляциях к эмоциональной сфере.

¹ <https://katsaylidi.ru/yuridicheskie-uslugi-fizicheskim-litsam/rech-podсудimogo-v-svoju-zaschitu>; <https://pravo163.ru/poslednee-slovo-podсудimogo-prakticheskie-momenty/>.

Так, логическая аргументация представляет собой приведение доказательств, обеспечивающих твердость позиции подсудимого: *Хочу сказать, что на момент столкновения мой автомобиль находился на своей половине проезжей части. Я на встречную полосу не выезжал. Полнотью был на своей половине проезжей части* [Стрелок Раимджанов: последнее слово подсудимого: URL], включая сильные аргументы-свидетельства: *Заключение эксперта: у последнего, как и у всех остальных отсутствовал во внутренних органах планктон, что свидетельствует о том, что все потерпевшие погибли от механической асфиксии в течение нескольких минут после падения в воду* [В Петрозаводске суд выслушал последние слова обвиняемых: URL]. Аргументы к эмоциям выстраиваются с целью создания позитивного впечатления о личности подсудимого, его очевидном раскаянии и выражении сожаления о содеянном: *В первую очередь я хочу извиниться, принести свои... попросить прощения у супруги Садыкова Ришата, у его детей, у Мазанова Сергея, а также его семьи. Я искренне раскаиваюсь. Простите меня, пожалуйста* [Стрелок Раимджанов: последнее слово подсудимого: URL], часто подчеркивается факт случайного проступка, непреднамеренность действия: *...Я говорю, старался жить так, чтобы никого не задеть, и тут такое случилось... Это не специально* [Полный судебный процесс: URL].

Аргументы иррационального порядка в большей степени ориентированы на когнитивные механизмы, которые и обеспечивают убеждение адресата в невиновности подсудимого. В дискурсе ПСП наиболее частотны:

- конкретизация: *Это убийство вышло просто случайно. Я ни с кем не договаривался. Никто мне оружие не передавал. Никто мне нож не давал. Я никого не заставлял в драке участвовать* [Последнее слово подсудимых по делу убийства подростка у ТРК «Космос»: URL];

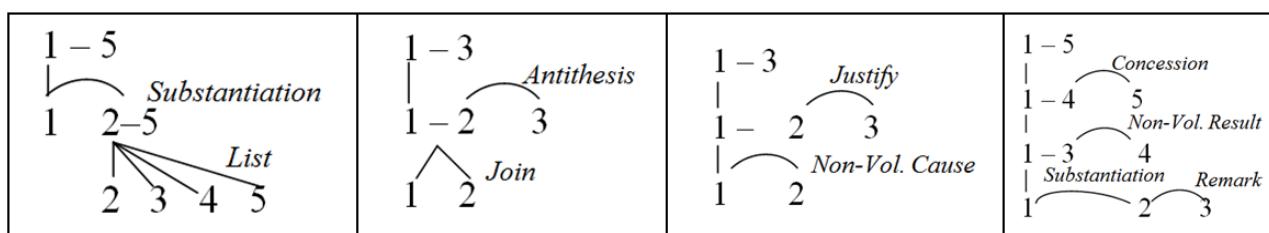
- спиндокторинг: *Еще раз хочу попросить прощение у потерпевшего, что не смог предотвратить смерть его сына, а также что нанес удар, причем я уверен, что удар не послужил причиной смерти* [Последнее слово подсудимого: URL];

- каузация: *Позвольте мне не согласиться с тем, в чем меня обвиняют! Я с первых дней возбуждения уголовного дела настаивал на своих показаниях о своей невиновности. При моем задержании при мне не находился том обнаруженный у меня сверток* [Последнее слово подсудимого Быкова А.В.: URL];

- противопоставление: *Да, я конечно, виноват, в том, что было до этого, что я употреблял, делал затяжку во время алкогольного испития, а она хранится целый месяц, вот оно и оказалось, что я какой-то наркоман. Нет, я алкоголик* [Полный судебный процесс: URL];

- амплификация: *Хочу выразить соболезнования семье Е. Я искренне чувствую: им тоже тяжело. Прошу вас, ваша честь, я очень сожалею от всего происходящего* [Последнее слово подсудимых по делу убийства подростка у ТРК «Космос»: URL].

Риторические графы приведенных выше фрагментов дискурса позволяют подсветить процесс убеждения изнутри (рис. 3).

Представляются очевидными следующие выводы:

1) риторические отношения первого уровня иерархии, организующие указанные фрагменты дискурса ПСП, носят презентационный характер, то есть ориентированы не на выражение смысловых отношений, но на усиление иллокуции: Antithesis (противопоставление) и Concession (уступка) – «increases positive regards», Justify (обоснование) – «increases acceptance» [Mann, Thompson 1987: 19];

2) риторические отношения второго и последующего уровней, напротив, носят предметный характер конкретизации (Substantiation), замечания (Remark), дизьюнкции (Joint), перечисления (List);

3) риторические отношения обусловленности подчеркивают неволитивный характер пропозиции, то есть действия, о которых сообщает коммуникатор, представляются непреднамеренными, независящими от его воли;

4) характер структуры фрагмента № 4 свидетельствует о спонтанном (неподготовленном) характере дискурса говорящего, стремящегося на пути к выражению основной интенции максимально конкретизировать рождающиеся в моменте речи дискурсивные единицы;

Риторический график дискурсивных фрагментов подчеркивает главное: линейное расположение дискурсивных единиц не имеет никакого значения: коммуникативно значимая информация отображается на верхних уровнях иерархии, именно там сосредоточены показатели коммуникативного посыла говорящего. Все, что ниже, второстепенно.

Риторический график глобальной структуры дискурса, представленного ПСП в полном объеме, а не в отдельных его эпизодах, позволяет выявить специфику его организации комплексно, как синтез риторических, когнитивных и pragmatisческих установок и реализаций.

Приведенная ниже суперструктура ПСП – дискурсивный отрезок, ориентированный на самозащиту посредством убеждения в собственной невиновности и производства нужного впечатления (раскаяния) – предполагает особую риторическую организацию дискурсивных единиц (ДЕ), действующую конкретные когнитивные механизмы, обеспечивающие максимальное воздействие на адресата (рис. 4):

1) Прошу меня строго не наказывать. 2) Это убийство вышло просто случайно. 3) Я ни с кем не договаривался. 4) Никто мне оружие не передавал. 5) Никто мне нож не давал. 6) Я никого не заставлял в драке участвовать. 7) Хочу выразить соболезнования семье Е. 8) Я искренне чувствую: им тоже тяжело. 9) Прошу вас, ваша честь, я очень сожалею от всего происходящего. 10) Так же хочу сказать, что полностью признаю ст. 213 «Хулиганство». 11) Еще хочу сказать, что не

признаю себя виновным по ст. 105 ч. 2. 12) Что я там не участвовал, 13) ни с кем тоже не договаривался. 14) Я не ударил никого. 15) Никого там не трогал. 16) Прошу, Ваша честь, не судите меня строго. 17) Я искренне раскаиваюсь [Последнее слово подсудимых по делу убийства подростка у ТРК «Космос»: URL].

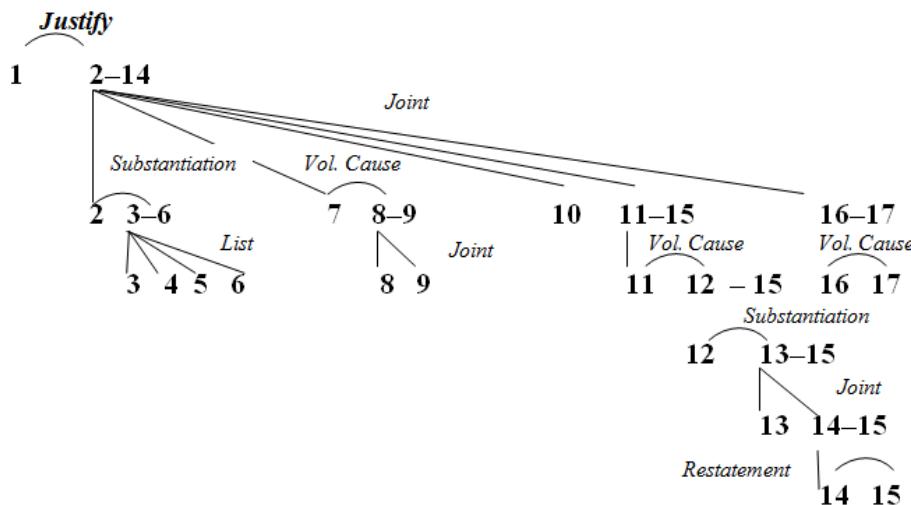

Рис. 4. Риторический граф суперструктуры дискурса ПСП

Фрагмент ПСП включает 17 дискурсивных единиц (ДЕ), которые на первом уровне иерархии группируются в два блока, между которыми устанавливаются риторические отношения Justify (Обоснование) – самая значимая коммуникативная интенция говорящего, реализуемая в семантике случайности, подчеркивающей независимость произошедшего от его воли.

Исходная коммуникативная интенция реализуется посредством риторических отношений второго уровня иерархии и раскрывается в четырех дискурсивных блоках: DE_{2-6} , DE_{7-9} , DE_{10-15} , DE_{16-17} , между которыми устанавливаются равноправные (симметричные) отношения конъюнкции (Joint). На третьем уровне иерархии коммуникативно-значимые для субъекта речи риторические отношения, подчеркивающие его невиновность – Vol. Cause (Волитивная причина) – и детализирующие List (Перечисление) и Joint (Конъюнкция). На последующих уровнях – теряющие свою риторическую значимость Substantiation (Конкретизация) и Restatement (Переформулировка).

Очевидно, чем выше уровень, тем значимей отношения, очевиднее иллокутивный профиль и, соответственно, цели коммуникатора. Подчеркнем: риторические отношения организуются по вертикали, и это означает, что коммуникативно значимые дискурсивные блоки и входящие в их состав дискурсивные единицы и риторические отношения между ними находятся наверху и не совпадают с линейным (сintагматическим) членением отрезка.

С точки зрения риторической организации исследуемый фрагмент ПСП построен по серкулярной модели: DE_1 и DE_{16} , DE_9 и DE_{17} семантически близки. Кроме того, выстраивая риторический граф дискурсивного фрагмента полностью, следует отметить высокую коммуникативную значимость ядерных DE_1 (Прошу меня строго не наказывать), DE_2 (Это убийство вышло просто случайно), DE_7 (Хочу выразить соболезнования семье Е.), DE_9 (Прошу вас, ваша честь, я очень сожалею от всего происходящего) и DE_{16} (Прошу, Ваша честь, не судите меня строго). Они оказываются коммуникативно выделенными и составляют коммуникативный центр, доминанту суперструктуры дискурса ПСП.

Как оказалось, с лингвистической точки зрения дискурс последнего слова подсудимых представляет собой довольно любопытный феномен. Ставя перед собой цель выявление его когнитивно-риторической специфики, мы пришли к следующим выводам:

1) последнее слово подсудимого представляет собой суперструктуру, состоящую из иерархически организованных категорий (рис. 1), обладающих очевидной регулярностью в соответствующих ситуациях коммуникации;

2) два подвида дискурса последнего слова подсудимого выделяются на основе его ключевых категорий, именуются ПСП «Признание вины» и «Отрицание вины» и моделируются из категорий «Прошение о снисхождении / смягчении наказания», «Доводы», «Раскаяние», «Извинения», «Обещание исправиться» и «Доводы», «Призывы к объективности и справедливости» соответственно;

3) иллокутивный код дискурса последнего слова подсудимого представляет собой комплекс из коммуникативных интенций субъекта речи (рис. 2), включающий исходную – самозащиту, реализуемую посредством речевых действий с целью воздействия на адресата (судью или присяжных), осуществляемого в двух направлениях – рациональном, через убеждение в невиновности, переквалификации действия, изменения меры наказания; и эмоциональном, путем создания положительного впечатления о подсудимом;

4) риторические графы дискурсивных отрезков последнего слова подсудимых позволили выявить новые риторические отношения между дискурсивными единицами, пополнив известный перечень Substantiation (Конкретизация) и Remark (замечание), а также подсветить когнитивно-риторические аспекты убеждения посредством включения когнитивных механизмов конкретизации, амплификации, спиндокторинга и проч., а также определить коммуникативные доминанты, статус которых не зависит от линейного расстояния, а представляется обусловленным коммуникативными интенциями субъекта речи и ситуацией общения.

Литература

Белкин А. Р. Три кита судебного разбирательства: непосредственность, устность, гласность / Судебная власть и уголовный процесс. – 2019. – № 3. – С. 41-47.

Болдырев Н. Н., Григорьева В. С. Доминантный принцип и интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе. Тамбов, 2020.

В Петрозаводске суд выслушал последние слова обвиняемых. URL: https://vkvideo.ru/video-28893798_456239426.

ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникации. Благовещенск, 2000.

Голованова М. А., Фетисова М. А. Место последнего слова подсудимого в судебном красноречии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-poslednego-slova-podsudimogo-v-sudebnom-krasnorechii/viewer>.

Захарова Г. А. Прения сторон и последнее слово подсудимого в разбирательстве / Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2023. – Выпуск № 1.1. (37). – С. 57-61.

Мальцева В. А. Судебные прения: речевые стратегии и тактики / Вопросы психолингвистики. – 2011. – № 13. – С. 152-159.

Мирзоева А. А. Процессуальный порядок разбирательства уголовного дела в суде первой инстанции / Закон и право. – 2025. – № 1. – С. 229-234.

Полный судебный процесс. URL: https://vkvideo.ru/video-180396746_456239503.

Последнее слово подсудимого Быкова А. В. URL: https://vk.com/wall-59513386_224.

Последнее слово подсудимого. URL: https://vkvideo.ru/video-108031382_171761650.

Последнее слово подсудимой. URL: https://vkvideo.ru/video-113721728_456242128.

Последнее слово подсудимых по делу убийства подростка у ТРК «Космос». URL: https://vkvideo.ru/video-8575126_456270838.

Последнее слово подсудимых Реальный Каменск-Уральский». URL: https://vkvideo.ru/video-218947590_456239260.

Стрелок Раимджанов: последнее слово подсудимого. URL: https://vkvideo.ru/video-272_456243307.

Хайдаров А. А. Проблема соотношения понятий «судебное заседание», «судебное разбирательство» и судебное следствие в уголовно-процессуальном законе / Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2011. – Выпуск № 3. – С. 48-53.

Чулкова Д. С. Последнее слово подсудимого в российском уголовном процессе / Вопросы российского и международного права. – 2023. – Том 13. № 11А. – С. 268-274.

Шаховский В. И., Колосова Н. Г. Стилистика последнего слова приговоренных к смертной казни / Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. – 2016. – № 1 (105). – С. 143-147.

Энциклопедия юриста 2005. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_law/1665/ПОСЛЕДНЕЕ

Mann W. C., Thompson S. A. Rhetorical Structure Theory: a Theory of Text Organisation. USA: CA, 1987.

References

Belkin, A. R. (2019). Three trial whales: first-hand directness, orality, publicity. *Judicial Authority and Criminal Procedure*, 3, 41-47 (in Russian).

Boldyrev, N. N., Grigorieva, V. S. (2020). The Dominant Principle and Integrativeness of the Format of Speech Interaction in Dialogic Discourse. Tambov (in Russian).

Chulkova, D. S. (2023). The last word of the defendant in the Russian criminal procedure / *Issues of Russian and International Law*, 13. 11A, 268-274 (in Russian).

Final statement of defendant A.V. Bykov. Available from: https://vk.com/wall-59513386_224 (in Russian).

Final statement of the defendant. Available from: https://vkvideo.ru/video-108031382_171761650 (in Russian).

Final statement of the defendant. Available from: https://vkvideo.ru/video-113721728_456242128 (in Russian).

Final statement of the defendants in the case of the murder of a teenager near the Kosmos shopping center. Available from: https://vkvideo.ru/video-8575126_456270838 (in Russian).

Final statement of the defendants. "Real Kamensk-Uralsky". Available from: https://vkvideo.ru/video-218947590_456239260 (in Russian).

Full trial. Available from: https://vkvideo.ru/video-180396746_456239503 (in Russian).

Golovanova, M. A., Fetisova, M. A. The Place of the Defendant's Final Statement in Judicial Eloquence. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-poslednego-slova-podsudimogo-v-sudebnom-krasnorechii/viewer> (in Russian).

In Petrozavodsk, the court heard the defendants' final statements. Available from: https://vkvideo.ru/video-28893798_456239426 (in Russian).

Khaydarov, A. A. (2011). The relationship between the concepts of "court hearing", "trial" and "judicial investigation" in criminal procedure law. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 3, 48-53 (in Russian).

Lawyer's Encyclopedia, 2005. Available from: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_law/1665/ПОСЛЕДНЕЕ (in Russian).

Maltseva, V. A. (2011). Judicial debate: speech strategy and tactics. *Issues of Psycholinguistics*, 13, 152-159 (in Russian).

Mirzoeva, A. A. (2025). The procedural procedure for the trial of a criminal case in the court of first instance. *Law and Right*, 1, 229-234 (in Russian).

Shakhovsky, V. I., Kolosova, N. G. (2016). The stylistics of the last statements of those sentenced to death. *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. Philological Sciences*, 1 (105), 143-147 (in Russian).

Shooter Raimdzhanov: The Defendant's Final Statement. Available from: https://vkvideo.ru/video-272_456243307 (in Russian).

van Dijk, T. A. (2000). Language. Cognition. Communication. Blagoveshchensk (in Russian).

Zakharova, G. A. (2023). Deliberations of the parties and last words of the defendant in court. *Bulletin of the Moscow University named after S. Yu. Witte. Series 2. Legal Sciences*, 1.1. (37), 57-61 (in Russian).

Citation:

Воронина Л. В. Суперструктура дискурса последнего слова подсудимого: когнитивная перспектива и иллокутивный код // Юрислингвистика. – 2025 – 38. – С. 55-61.

Voronina L. V. (2025) The Superstructure of the Defendant's Final Statement Discourse: Cognitive Perspective and Illocutionary Code. *Legal Linguistics*, 38, 55-61.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License
